

ИЗНАНКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Ш.Ариунаа, А.Одгэрэл *

Тоска по пассионарности

Мы все буквально истомились по национальной идее. Истосковались. Измучились. Истрадились. Дошли, можно сказать, до полного изнуряющего напряжения. Порой кажется: вот она, негаданная, влекущая, уже нарождается, крепнет, готовится взмыть. Все ее призывают, и она, еще чуток, кажется, отзовется.

И каждый всплеск национального воодушевления сам по себе хорош. И можно сказать, вселяет. Даже несет пассионарность. Но нет в нем, в этом накате, настоящей и окончательной правды. Нет размаха и неукротимости. Не рождается ощущение всеобщего полета. И мог бы это всплеск вознести страну, но мешает инфляция, происки врагов, рост нищеты, разложение правящей элиты, коррупция, язвы ее в душу... Не формулируется национальная идея, не предъявляет себя.

А ведь есть-таки, наверное, такое слово, которое способно всколыхнуть нацию, увлечь ее, поднять ярость масс, как говорилось у известных писателей. Есть, но почему-то не обнаруживает себя, не складывается, не заявляет себя в своей прельстительной наготе, как полуобнаженная Свобода на парижских баррикадах. А сколько трудов положили. Собирали титанов мысли на загородной вилле, зывали к интеллигенции и делали даже откровенные подсказки. Вот, мол, путеводная нить, а дальше качайте энтузиазм в заданном русле – справедливости, социальной защиты, заединства, правовой огражденности.

Между тем про национальную идею, как про любовь, «о ней все сказано». Она не рождается на заказ и не шьется в соответствии с выданной квитанцией. Она вырастает из глубин народного сознания и в положенное ей историческое время поддерживается социальной реальностью, фактическим положением дел. Известно также, что она, национальная идея, в известной степени анонимна. Иначе говоря, никто не знает, кому принадлежит авторство, скажем, американской мечты или британского колониального величия. Национальная идея – феномен исторический, судьбический.

Социальные философы давно признали, что национальная идея играет огромную роль в политической практике. Так называли одухотворенную интегративную концепцию национального самосознания. Она выражает судьбу данного народа –

* МУИС-ийн МХСС-ийн Урлаг судлалын тэнхим

этнoсa, eгo пpeднaзнaчeния и мoбилизyeт oгpoмную нaциoнaльную энepгию для peaлизaции пocтaвлeнных цeлeй.

Нaциoнaльнaя идeя кaк oпpaвдaниe oппoзиции ycиливaющeмyся гocудapcтвy вoзниклa нe cрaзу. Дaжe в Aнглии, oтpaжaющeй пo ypoвню coциaльнo-эcoнoмичecкoгo paзвигия дpyгиe eвpoпeйcкиe cтpaны, тaкaя идeя выкpиcтaллизoвaлacь лишь в пepвыe дecятилeтия XVII в. в ycлoвиях кoнфликтa мeждy кopoнoй и пapлaмeнтoм, пpeдcтaвляющeм «cтpaнy» и зaщищaвшим дpeвниe пpaвa и вoльнocти aнглocакcoнcкoй нaции oт мoнapхии.

Bo Фpaнции нaциoнaльнaя идeя тaкжe cфopмиpoвaлacь в ycлoвиях кoнфликтa c aбcoлютизмoм и вocтopжecтвoвaлa вo вpeмя Фpaнцyзcкoй peвoлюции, oднaкo пpиoбpeлa вecьмa cпeцифичecкoe coдepжaниe: нaцию cтaли paccмaтpивaть нe cтoлькo кaк ocoбyю гpyппy людeй, oблaдaющих oбщeй «кyльтypнoй cyщнocтью», ocoбыми пpaвaми и пpивилeгиями, cкoлькo кaк coвoкyпнocть гpaждaн, oблaдaющих yнивepcaльными oбщeчeлoвeчecкими пpaвaми и cocтaвляющих иcтoчник зaкoннoй влacти. Этoт yнивepcaлизм нe пoзвoлил нaциoнaльнoй идee вo Фpaнции пpeoбpaзoвaтьcя в нaциoнaлиcтичecкyю дoктpинy.

Таким образом, нaциoнaльнaя идeя являeтcя нeпpeмeнным, нo нeдocтaтoчным элeмeнтoм нaциoнaлиcтичecкoй дoктpины, aкцeнтиpyющeй cвoeoбpaзиe нaции, xoтя и мoжeт yтвepждaть yнивepcaльныe пpинципы.

Нaциoнaлиcтичecкиe дoктpины, кaк и «нaциoнaльнaя идeя», вoзникaли кaк идeйнoe oбocнoвaниe oппoзиции гocудapcтвy. Дaжe eвpoпeйcкий «oбъeдинитeльный нaциoнaлизм» XIX в. в Гepмaнии, Итaлии и Пoльшe, пpoвoзглacивший cвoeй цeлью coздaниe eдинoгo нaциoнaльнoгo гocудapcтвa, был движeниeм oппoзициoнных элит и имeл oгpaничeнную пoддepжкy в мaccaх.

Бoльшинcтвo aвтopов oцeнивaeт нaциoнaльнyю идeю кaк фeнoмeн пoлoжитeльный. Oнa кoнcoлидиpyeт нaцию, oбecпeчивaeт eдинcтвo и пpopyв в нoвoe цивилизaциoннoe пpocтpaнcтвo. Нo мaлo ктo пpocлeживaeт paзвигия нaциoнaльнoй идeи, ee лoгикy, cтaнoвлeниe и вxoждeниe в пepиoд, кoгдa oнa yтpaчивaeт пoчвy и влиятeльнocть и нaчинaeт дaвaть пapaдoкcaльныe вcxoды. Инaчe гoвopя, фeнoмeнoлoгия нaциoнaльнoй идeи кaк дyxoвнoгo явлeния, пo cyти дeлa, нe иccлeдoвaнa.

Мoжнo ли удивлятьcя в cвязи c этим, чтo в coвpeмeннoй пoлитичecкoй пpaктикe нaциoнaльнaя идeя oпyщeнa, дeвaльвирoвaнa. Oтчeствeнныe филocoфы, изyчaвшиe pyccкyю идeю, цeнили в нeй пpeждe вceгo дyxoвнo-мeccиaнcкoe нaчaлo. Никтo нe paccмaтpивaл нaциoнaльнyю идeю, cкaжeм, в aспeктe чиcтoй экoнoмики или в плaнe ycилeния cтpaны нa мeждyнaрoднoй apeнe.

Такoe тoлкoвaниe этoгo фeнoмeнa пoкaзaлocь бы Н.А.Бepдяeвy, Б.П. Вышecлaвцeвy, В.В. Зeнькoвcкoмy, П.А. Сopoкинy, Г.П. Фeдoтoвy, Г.В. Флoрoвcкoмy и дpyгим pyccким мыcлитeлям нe тoлькo дилeтaнтcким, нo и пoпpocтy oбecцeнeнным. Pyccкий филocoф Н.Я. Дaнилeвcкий пoлaгaл, чтo в бyдyщeм Poccия cтaнeт пepeдoвoй экoнoмичecкoй дepжaвoй. Нo oн нe нaзывaл этo нaциoнaльнoй идeeй. Этo былo cкopee вceгo экcтpaпoляциeй нaмeтившихcя тeндeнций. Кoгдa жe рeчь зaxoдилa o нaциoнaльнoй идee, вoзникaлa coвceм инaя cтилcтикa, дpyгoй мeтaфизичecкий плaн. Г.П.Фeдoтoв пиcал o пpoбyждeнии дpeмлющeгo дo cиx пop нaциoнaльнoгo cacoнoзнaния, Н.А. Бepдяeв paccyждaл o нaпpяжeнных дyxoвных и coциaльных иcкaнияx, Г.В. Флoрoвcкий oттeнял в филocoфcкoм пpoбyждeнии блaгoчecтиe. Б.П. Вышecлaвцeв тoлкoвaл o гpaждaнcкoй и пpaвoвoй cвoбoдe. Pyccкиe филocoфы

полагали, что предназначение народа является его жребием, предначертанием Бога. В.С. Соловьев писал о том, что идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности...

В 1857 году, когда страна готовилась к неизбежным реформам, великий русский поэт и мыслитель Ф.И. Тютчев писал: «С моей точки зрения, все будущее задуманной реформы сводится к одному вопросу: стоит ли власть, призванная ее осуществить, выше в нравственном отношении? Я говорю о самой власти во всей сокровенности ее убеждений, ее нравственного и религиозного *credo*... Отвечает ли власть России всем этим требованиям? Какую веру исповедует и какому правилу следует?»

Как поразились бы, надо полагать эти мыслители, прознав, до какой утилитарности доведена сегодня рефлексия о национальной идее. Кое-кто утверждает, что достаточно России стать газовым жандармом и в качестве вечного поставщика энергетических ресурсов страна духовно всколыхнет нацию. Другие запальчиво толкуют о том, что надо реанимировать ВПК. Вот оно национальное призвание, поставлять танки и самолеты для разрешения локальных конфликтов, но, разумеется, в те места, которые далеки от наших государственных границ. Как будто локальные распри не чреваты глобальным окрасом, и нет такой войны сегодня, которая не коснулась бы любого землянина, где бы он ни проживал. Но на идейный рынок брошены и другие идеи. Назад к земле, к почве, которая дышит рядом с судьбой. Наладим безостановочное производство зерна. Наше спасение не в газе, а в пшеничке. Но где же на земле те аграрные страны, которые достигли богатства и благоденствия? Все же можно помыслить национальную идею в более модерновом ключе. Спасение принесет наука, которая предложит какую-нибудь неслыханную электронику, что-то вроде биочипов, нанотехнологий или унитарной квантовой физики. Тогда держись, Америка или Китай. Смог же Сингапур научить Китай новым методам хозяйствования. А мы, что же... Весь комментарий в данном случае укладывается в незатейливую фразочку – «Мечтать не вредно...».

И если говорить о врожденном дефекте всех этих современных исторических проектов, то нетрудно заметить, что в них нет ценностного измерения. В расчет берется экономическая логика, финансовая конъюнктура, внешнеполитический расклад. Нет только духовного пласта, морального напряжения, метафизических исканий. Можно подумать, будто национальная пассионарность провоцируется сводкой последних биржевых новостей. Но было ли такое в истории?

Каким образом все-таки великое Провидение выносит на историческую арену национальную идею? Чем обусловлено национальное пробуждение? Откуда берутся немислимые катализаторы духа и исторического взлета?

Великий исход пророка Моисея

О Великом законодателе Израиля создано много легенд, мифологических сказаний, научных исследований. Не обошлось и без домыслов. Фрейду, к примеру, поместилось, что Моисей вовсе не был евреем, а был египтянином. К примеру, библейское повествование книги «Исход», не говоря уже о многочисленных апокрифических сочинениях. На протяжении столетий ученые пытались отсеять из потока материалов сведения исторического характера. Они пытались создать хоть приблизительный, но реальный портрет этой грандиозной личности. Фигура Моисея актуализирует важнейшие аспекты истории, культуры, религии. Через эту фигуру осмысливаются

философские и нравственные основы для возникновения и развития целых цивилизаций.

Юнг раскрывает огромную роль мифа в человеческой истории. Но он в то же время показывает, что миф — это не фикция. Он состоит из непрерывно повторяющихся фактов, и их можно наблюдать снова и снова. Миф сбывается в человеке, и все люди обладают мифической судьбой не меньше, чем греческие герои.

Моисей представлен в истории как «культурный герой». Греческая философия подчеркивала в нем характер Воспитателя народа — носителя высшей человеческой морали. Римская мифология углядела в нем черты строгого законодателя Ликурга или аскетичного царя Нумы Помпилия. Новоевропейская традиция ставила на первое место праведность Пророка — неутомимого сокрушителя ереси.

В каждом из таких мифоисторических документов, как «Труды и дни» Гесиода, диалоги Платона или древнееврейские тексты, четко различается естественный этический порядок и сверхъестественный, или моральный порядок. Когда древние размышляли о смысле истории, они были убеждены в том, что когда Богу было необходимо высказать свое мнение, он делал это при помощи событий. История, следовательно, рассматривалась как последовательность событий, являющих собой послание Бога. Могли ли древние евреи остаться в египетском рабстве? Могли, если бы пророк не донес до них волю Бога и не позвал их в мучительный исход. Но и в этом контексте воля каждого иудея становилась экзистенциальным актом. Сошлось все — божье повеление, муки рабства, тоска по свободе и единению.

Рассказ о великом Моисее — это поэма освобождения от гнета, история массового единения, исхода из рабства. Об этом с восторгом писал немецкий просветитель Г. Лессинг. Многие поколения черпают вдохновение в этом великом мученичестве ради свободы. Но обозначилась и разница в интерпретации Божьего послания. Многие политические группы, игнорирующие друг друга, пытались сформулировать свою точку зрения на три принципиальных вопроса: о смысле истории, о личности Мессии и о природе Израиля, «народа Божьего». Для христианских теологов, главным событием было явление Иисуса. В качестве доказательства выступал аргумент: обращение в христианство империи, дотоле выступавшей в качестве его гонителя. Наступала новая эра: Царство Божье на земле. Поэтому, обращаясь к книге Бытия, христианские теологи превращали историческое повествование в целостный нарратив, в котором целью истории было пришествие Христа, бытие воспринималось как предвестие и пророчество о нем.

В палестинском же Талмуде мессия тоже оказывался целью и смыслом истории. Причем речь шла о вполне конкретной личности — было определено, когда придет мессия, какого рода он будет и даже как его зовут, и что должны сделать евреи для его пришествия. Спасет ли мессия мир? Христиане отвечали: уже спас. Евреи не соглашались: только в будущем.

Еврейская национальная идея значима. Но у нее есть и изнанка. Это представление об избранности народа, которое завершилось проповедью закрытой этничности. История может позвать на подвиг, но мессианская идея способна обернуться и герметичностью, узостью социального мышления. «Еврейство, — писал Н.А. Бердяев, — придавало религиозное значение крови, связало неразрывно момент религиозный с моментом национальным. Мессианское сознание народа всегда есть явление еврейского духа. Еврейству была свойственна исключительность, исключительная

приверженность к своему и своим... Если расизм на почве еврейства имеет свое оправдание, то он не имеет никакого оправдания на почве христианства».

Христианство провозгласило не этничность, а вселенскость, где нет ни «еллина, ни иудея». Расовая теория с христианской и просто с человеческой точки зрения, безусловно, антигуманна. Между тем национальная идея потому и называется национальной, что она не откликается на эту вселенскость. В ней есть опасность религиозного фундаментализма. Десять лет назад «Независимая газета» напечатала диалог писателя Георгия Давыдова и Льва Аннинского о судьбе России. Но знаете, какой заголовок дала газета, публикуя этот материал: «Русской истории нужен Моисей». Но почему именно Моисей – пророк мессианской этничности? И вот писатель Георгий Давыдов разъясняет: «Русский народ, единственный законный наследник античности и христианской имперской идеи, несет в истории мессианскую идею. Мировое призвание России состоит в настоящее время в том, чтобы остановить гибельное движение западной цивилизации»

Мы видим, что право крови отозвалось здесь из еврейской традиции. И великий пророк назван не случайно. Правда, состав крови здесь уже другой. Но десять лет спустя для многих стало очевидным, что результатом этих соблазнов избранничества, оказался большевизм (см. Ципко Александр. Снова «Красный проект»? \ ЛГ, 2008, № 26, с.4).

Что можно извлечь сегодня из названных духовных исканий? Глобализация по определению привела к кризису национальную идею. Государство стало утрачивать привычный суверенитет. Часть своих полномочий оно вынуждено делегировать крупным межрегиональным структурам, а часть у него явочным порядком отбирают корпорации. Князьями современного мира являются владельцы и менеджеры крупных транснациональных корпораций, ведущие финансисты, регулирующие потоки мировых денежных средств, интеллектуалы, занимающиеся геополитическим стратегированием, медиамагнаты, политики, имеющие серьезные экономические ресурсы.

Обнаружилась парадоксальная ситуация. Исповедуя глобалистские ценности, осознавая магистральность исторического процесса, мы одновременно толкуем и о национальной идее. Не является ли это идеологическим коктейлем? Нет ли здесь опасности снова оказаться на обочине истории?

Судьба американской мечты

Но разве американская мечта не подтверждает справедливость упований на исторический прорыв? Почему здесь родились всевозможные мессианские идеи, согласно которым Америка выступала в роли спасительницы древней Европы, поводыря человечества? Восхождение к личному успеху, было нормальной иллюзией экономической истории США. Она поддерживалась реальными фактами социальной практики. Абсолютизация ценностей индивидуализма была в Америке не случайной. Дело в том, что феодализм и его традиции были устранены здесь раньше и в гораздо большей мере, чем в Европе. Поэтому же в ХУ111 в. Новый Свет, с присущими ему социальными порядками, культурным и психологическим укладом, весьма отчетливо противостоял Старому Свету.

Америка – необычная страна. Отметим хотя бы, что в ее истории существовала только демократия. Никаких других политических систем страна не знала. По интеграторам демократических ценностей - защита личности и частной жизни, прав

собственности и человека, свободы прессы и т.д. США оставили далеко позади себя новоевропейские демократии. С одной стороны, это благо для страны, а с другой в известном смысле обнаруживает скудость политической истории. Не здесь ли кроется причина, не позволяющая американцам – как рядовым, так и их лидерам – понять, что происходит в других странах, которые имеют свои политические особенности. Американцу крайне сложно представить, как можно построить демократию в стране, где она отсутствовала.

Если сопоставить политический опыт США и, скажем, России, Украины или стран Центральной Азии, то окажется, что вековые политические традиции способны так «усвоить» демократические институты, что они дадут абсолютно недемократический результат. Американцам это непонятно. «Где же демократия?» – спрашивают они, не фиксируя реальной политической динамики в этих странах.

Ее столетие назад Америку можно было рассматривать как большую ферму, значительная часть которой была не только не освоена, но и не заселена. Но тем не менее уже существовал культ частной собственности. Она была неприкосновенной. В этой ситуации казалось естественным создать каждому возможность для проявления личной инициативы, достижения индивидуального успеха. Благодаря этому за последние полвека Америка, население которой составляет всего лишь четыре процента человечества, стали лидером мировой экономики. Сюда едут со всех концов земли, стремясь начать здесь новую жизнь. Рядовому американцу непонятно, почему остальные народы не могут взять их историю за образец, создать похожую экономику и обеспечить себе достойную жизнь. Вот почему американцам казалось единственно верным полную и быструю приватизацию в нашей стране. Они настаивали на резком снижении роли государства в экономике и ослаблении налогового бремени.

Американец с детских лет привыкает полностью полагаться только на себя. Ему трудно понять, что заставляло российское общество в течение многих столетий возвращать общинную культуру и психологию. Отчего, – думал американец, – русские отвергают индивидуализм во всех его формах, и усматривает справедливость в равенстве. Тем более американец не в состоянии уразуметь, почему крушение принудительного экономического равенства русские оценивали как разрушение целой системы социальной справедливости.

Еще одна самобытная черта США – более 30 млн. ее граждан приехали из других стран или имеют родителей-мигрантов. Эта страна создавалась представителями не одного, а очень разных народов. Нет просто американцев, есть «американцы через черточку»: американцы-ирландцы, американцы-индусы, американцы-китайцы. В США практически отсутствует понятие «иностранец». Поэтому массовое американское сознание легко восприняло идею «правильного котла», способного любого человека превратить в рядового американца.

Названные американские ценности обеспечили Америке успешное развитие. Но история обнаружила изнанку у этой национальной идеи. Суровое испытание принесла прежде всего Великая Депрессия прошлого века. Случилась катастрофа. Разве разразилась война, вспыхнула революция или случилось землетрясение. Ничего этого не было. Все выглядело прежним – стоят дома, колосятся нивы, едут иммигранты. США накануне Великой Депрессии – самое процветающее государство мира. «Страна может с удовлетворением взирать на настоящее и с оптимизмом в будущее», – писал Конгрессу в прощальном письме президент Кулидж в декабре 1928 года. Он все еще

считал, что ничего страшного не происходит. А кризис уже начался. Но в одночасье все рухнуло.

Причиной Великой Депрессии экономисты считали кризис перепроизводства, без которого не обходится «классический капитализм». В 1933 году четверть трудоспособного населения США не имела работы. Большинство сидело на неполной занятости. Недавние преуспевающие менеджеры стояли в очереди за бесплатным супом. За купленные в кредит дома платить было нечем, людей выселяли, и вокруг крупных городов выросли «бомжатники» - бидонвили – скопления хижин из ящиков, досок, картона. Средний класс – гордость Америки практически исчез. В 1931 г. в Нью-Йорке было зафиксировано более 2 тыс. голодных смертей (говорят, всего за время депрессии в странах, попавших в зону кризиса от голода умерло до миллиона человек. Шло массовое разорение фермеров. Разорившиеся не владели землей, а арендовали ее, живя на полунатуральном хозяйстве или просто пополняли многомиллионную армию бродяг.

Куда же делась великая американская мечта? Почему обманула, поманила и предала?

Может быть, и не надо полагаться на нее. Социальная реальность стала отрезвлять. Зато возникла уверенность в пользе социальной мифологии. По мере разворачивания истории западного мира все чаще стали возникать сомнения по поводу принципиальной самобытности США. Действительно ли Америка располагает какой-то оригинальной культурой, если последняя сложена из разнородных элементов? Способен ли «плавильный котел» из множества своеобразных культур создать нечто целостное и уникальное? Попытки раскрыть неповторимость американской культуры, доказать ее своеобразие, принципиальное отличие от европейской то и дело приводили к прямо противоположным результатам. Получалось, что духовная жизнь Нового Света мало чем отличается от европейской. И все же справедливости ради многие признавали, что, хотя американские мыслители находились под сильным влиянием европейского идейного наследия, они, тем не менее, придавали ему особую трактовку.

Известно, скажем, что американские интеллектуалы восприняли основы английского пуританизма. Однако они сообщили ему мессианистский оттенок. Именно поэтому в американском общественном сознании стали укрепляться универсалистские провиденциалистские идеи, согласно которым Америка будто бы может в противовес Европе стать истинным проводником религиозных и гражданских свобод, воплотить в жизнь священные заветы.

Современные американские мыслители, пытаясь проанализировать самобытность культуры Нового Света, в большинстве своем, конечно, понимают, что история Америки дала пищу для несбыточных упований. Однако отсюда делается парадоксальный вывод: да, иллюзии сопровождали летопись Америки, а история показала их беспочвенность, но именно эта социальная мифология и содействовала формированию совсем иной, нежели европейская, культуры.

Например, американский историк Дж. Робертсон в работе «Американский миф, американская действительность» (Robertson G. O. American myth, American reality. N. Y, 1980) отмечает, что мифология, основанная на подчеркивании девственности Нового Света по сравнению со Старым, находит свое регулярное воплощение в двух национальных праздниках – дне рождения Дж Вашингтона и Дне Благодарения. Оба

праздника представляют собой ритуальное воспевание американских мифов, отражают своеобразие американской культуры.

Исторически американское национальное сознание включало в себя глубокую веру в исключительность происхождения и судеб развития страны. Сложившаяся здесь культура была пропитана мыслью о том, что американцы – новый народ, который, сформировавшись из тех, кто искал свободу в Новом Свете и обрел ее, в последующие десятилетия был обязан выполнять свое миссионерское предназначение.

Миф о Новом Свете не был оторван от других, более древних мифов. Он вобрал в себя представления о рае, о «золотом веке», о Риме и варварах. Основу этого мифа составляют три сюжета: Новый Свет был открыт Колумбом, он был новым и пустынным; аборигены были нецивилизованными народами, они были «ниже» тех, кто пришел позже на эти земли.

Изнанка национальной идеи обнаружилось в осознании того факта, что любое лидерство приносит стране миллионы жизней и поломанных судеб.

Православие, самодержавие и народность

Глубинная философская рефлексия русских мыслителей и политическая практика России, как это очевидно, не всегда совпадали. Русская православная церковь рассматривала русский народ в качестве уникального хранителя и проповедника православной веры, обреченного на страдания во имя очищения всего человечества. Так, родилась, например, идея «Москва – третий Рим». Русские философы полагали, что предназначение народа является его жребием, предначертанием Бога. В.С. Соловьев писал о том, что идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности...

Формулируя русскую идею, министр просвещения В.В. Уваров, как известно, предложил своеобразную идеологическую триаду. Он писал: «Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего *православия*, сколь и на похищение одного перла из венца Монахова. *Самодержавие* составляет главное условие политического существования России... Наряду с этими двумя национальными началами, находится и третье, не менее важное, не менее сильное: *народность*».

В этой формуле, по словам русского философа Г. Г. Шпета, наименее ясным представлялось начало народности как «национальное начало». Если это не тавтология, то какой положительный смысл вкладывал В.В. Уваров в понятие народности? – спрашивал русский мыслитель. Действительно, из сопоставления его с двумя другими нельзя установить даже отрицательных его признаков, не говоря уже о том, что строго логический анализ был бы здесь не бесполезен, так как он требовал бы исключения из понятия нашей народности из двух других начал (см. Шпет Густав. Очерк развития русской философии. М., 2008, с.260).

Русский философ сетовал, что разъяснения, которые дает В.В. Уваров, не идут дальше общих мест. Не вдаваясь в подробности, которые ведут к сомнениям, можно характеризовать данное начало (народность) как отражение европейского романтизма. Г.Г. Шпет считал, что народность можно принять как некую социальную задачу. Ее можно было бы задать русскому просвещению, но не ставить принципом. Русский философ отмечал, что эту задачу В.В. Уваров переписал из западноевропейских тетрадок. Но понимал ли он, что идея национального возрождения, охватившая Европу

и знаменовавшая собою выступление новой интеллигенции, прямо противоречила тому, что происходило в России?

В Европе национальное возрождение было народным, и правительства могли присоединиться или не присоединиться к истинным репрезентантам народности. В России же народности просто-напросто не было, потому не было соответствующей репрезентации, и само правительство могло взять на себя эту роль. Вместо «народности» в России осуществлялась идея национализма самодержавного государства.

В программу В.В. Уварова понятие народности вводилось с крайней неопределенностью. Каждому было предоставлено право толковать ее по-своему. И действительно вся русская мысль 30-40 –гг. XIX века предалась разгадке этого сфинкса. Одни слишком откидывались назад в поисках разгадки народного духа, другие же – рвались вперед, исповедуя беспредельную преданность в повиновении самодержавию.

Изнанка национальной идеи в данном случае обнаруживает, что идеологические формулы, которые без особенного напряжения закладываются в национальную доктрину не имеют абстрактного смысла. Они историчны в предельном смысле этого слова. То, что сегодня рассматривается как выстраданное, прогрессивное может оказаться реакционным и даже нереальным завтра.

К примеру, идея евразийства. В XXI в. она переживает очевидное возрождение. Некоторые авторы считают, что ренессанс евразийства закономерен, поскольку Россия не только Европа, но и азиатская держава. В ней все переплетено. Россия действительно охватывает огромные территории. Но сегодня в условиях массовой миграции, транскультурных связей США смотрятся уже не только как афроамерика или евроафроиндейская цивилизация. Можно ныне считать Англию евроиндией, Францию или Бельгию как афроевропу или евроафро. А Испания разве не смесь культур, этносов и религиозных конфессий?

Посттравматический синдром

Национальная идея, по определению, рассматривается обычно как продукт пассионарности и духовности нации. Мало внимания обращают на то, что она возникает нередко как результат посттравматического синдрома. Таким синдромом социальные психологи называют состояние психологической подорванности, ущемленности и уязвимости. Оказавшись в ситуации катастрофы, крушения идеалов, нация пытается сохранить себя с помощью компенсаторных механизмов. Воображение рисует картины не только неожиданно обретенного счастья, но и исторического возмездия.

Так проросла идея нацизма. О том, как поражение Германии в первой мировой войне, крах националистических иллюзий, в конечном счете, позволил Гитлеру прийти к власти, написаны классические работы Т.Адорно, Э. Фромма, Э. Эриксона. Сошлемся лишь на мнение известного канадского ученого и писателя Джона Ролстона Сола, который в книге «Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе» (М., 2006) пишет о том, как на гребне посттравматического синдрома рождается феномен националистической идеи.

«Небольшого роста, некрасивый, незаконнорожденный, выходец из низов, неудавшийся живописец стал настолько знаменит, что со времен Наполеона Бонапарта

такого не видывали. И все же Гитлер пришел к власти не потому, что победил врагов Германии. Он не был даже искусным заговорщиком. Вместо этого он, подобно Наполеону III, сочетал в себе таланты гения обработки общественного мнения с мастерством по части секретности и полицейской власти, которые постепенно развивались со времен Макиавелли, Бэкона, Лойолы и Ришельё, Гитлер освоил эту науку подковерных манипуляций и поднял ее на новые профессиональные высоты, умело маскируя ее убогость пиаровской ширмой славы и чистоты Героя. Этот парнишка, несмотря ни на что, стал чемпионом. Он – воплощение самых смелых фантазий. Это – если закрыть глаза на подробности его карьеры, его расизм, склонность к насилию, психическую неуравновешенность – модель, которая и сегодня используется имиджекерами и приверженцами рациональной цивилизации» (с.498).

Уязвленное национальное самолюбие – сложный феномен. Но он не является лучшей почвой для произрастания национальной идеи. Между тем последние годы мы усиленно эксплуатируем сложный замес массовых чувств, связанных с посттравматическим синдромом. Мы призываем Россию подняться с колен. В этом пока нет ничего тревожного. Но когда мы рассуждаем о том, что нам не следует стыдиться своей истории, что кровь миллионов людей ничего не стоит по сравнению с историческими вызовами, когда мы говорим: в других странах преступлений было не меньше, то нечего и удивляться тому, почему в стране, уничтожившей нацизм, фашистские идеи находят своих сторонников.

Не может не вызывать удивления логика многих нынешних политиков и ведущих политологов, которые меряют историческое преступление не праведностью, а криминальным деянием. Зачем нам стыдиться своей истории, когда в других странах тоже творились черные дела? – задается вопросом губернатор Кемеровской области Тулеев. Жертвами революции и Гражданской войны в России стали 16 млн. человек – цифра колоссальная, – вторит ему талантливый публицист В.Д. Соловей. И продолжает: Но в отношении к общей численности населения Франция в эпоху своей Великой революции понесла потери больше, чем Россия, или в случае минимальных оценок, сопоставимые с российскими. Не говорю уже о Германии, цена капиталистической революции (так нередко называют Тридцатилетнюю войну) в которой оказалась еще выше. Сравнение трагических страниц истории разных народов уместно. Но ведь вовсе не для того, чтобы оправдывать преступление. Такие цифры и доводы возможны в бухгалтерской ведомости, но вызывают чувство боли, когда речь идет о человеческих жертвах. Их невозможно оправдать ссылкой на чужое горе. Позор национальной истории предполагает раскаяние, а не оправдание чужими злодеяниями.

Еще раз подчеркнем: идеология, вообще говоря, рождается не по указке сверху, по поручению президента. Она вызревает в лоне коллективного бессознательного, в недрах народной души. Однако, может быть, стоит немного пожить без идеологического замеса, в пространстве свободного и разностороннего выбора?

SUMMARY

Social philosophers have long recognized that the national idea plays an important role in political practice. So they named this soulful and integrative concept national identity. It

expresses the fate of a people - the ethnic group, its purpose and mobilizes huge national power to achieve its goals.

The national idea as a justification to oppose States did not come immediately. Even in England, reflecting the level of the socio-economic development of other European countries, the idea crystallized only in the first decades of the XVII century. In the conflict between the crown and parliament, national identity is used as a tool to defend the ancient rights and liberties of the Anglo-Saxon nations of the monarchy.

In France, the national idea is also formed in conflict with absolutism and triumphed in the French Revolution, but has acquired a very specific content: the nation came to be regarded not so much as a special group of people with a common "cultural essence," special rights and privileges, but as a body of citizens having the universal human rights and is the source of legitimate authority. This universalism did not stop as a national idea in France, but continued to transform into a nationalist doctrine.

Thus, the national idea is a necessary but not sufficient element of the nationalist doctrine that emphasizes the originality of the nation, although it can claim universal principles.